

Научная статья
УДК 341.645.5
DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.811

Dmitry Vladimirovich Krasikov
Candidate of Law, Associate Professor,
Senior researcher at the Department of Legal Studies,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Saratov, Russian Federation
krasikovdv@list.ru

Дмитрий Владимирович Красиков
канд. юрид. наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела правоведения,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Саратов, Российская Федерация
krasikovdv@list.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУДЕБНЫЙ НОРМОКОНТРОЛЬ В ПРАВЕ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

5.1.5 — Международно-правовые науки

Аннотация. В рамках Всемирной торговой организации (ВТО) функционирует одна из наиболее эффективных систем разрешения споров, которая, несмотря на отдельные кризисные явления последних лет, выгодно отличается от систем контроля за соблюдением международных обязательств, существующих в рамках иных международно-правовых режимов. Одна из заслуживающих внимания особенностей системы разрешения споров в рамках ВТО — развитие сравнительно автономного института международного судебного нормоконтроля, который сформировался благодаря значению фактора безопасности (определенности) и предсказуемости многосторонней торговой системы. В настоящей статье значение данного фактора рассматривается в контексте юрисдикционных гарантий разрешения споров (назначения системы разрешения споров) и особенностей комплекса материальных обязательств по праву ВТО — их содержания с учетом толкования на практике и наличия в нем «системных» обязательств (таких как, например, предусмотренное п. 4

ст. XVI Марракешского соглашения об учреждении ВТО). Соответствующее значение указанного фактора обуславливает реализуемую на практике возможность третейских групп и Апелляционного органа в рамках действующих в ВТО процедур разрешения споров оценивать совместимость с нормами права ВТО внутригосударственного законодательства, в т. ч. как такового, т. е. не в связи с его применением в конкретных делах либо даже в отсутствие практики такого применения. Хотя практике международного правосудия известны примеры осуществления международными судами подобных функций, автономного института, подобного сложившемуся в рамках ВТО, в других сферах международно-правового регулирования нет.

Ключевые слова: международный судебный контроль, судебный нормоконтроль, функции международных судов, право Всемирной торговой организации, разрешение споров в рамках Всемирной торговой организации, системные обязательства, международные обязательства, общее международное право, международное правосудие, *pacta sunt servanda*

Для цитирования: Красиков Д. В. Международный судебный нормоконтроль в праве Всемирной торговой организации // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4(65). С. 201—204. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.811.

Original article

INTERNATIONAL JUDICIAL REVIEW IN WTO LAW

5.1.5 — International legal sciences

Abstract. Within the framework of the World Trade Organization (WTO), one of the most effective dispute resolution systems operates, which, despite certain crises in recent years, compares favorably with systems for monitoring compliance with international obligations that exist within other international legal regimes. One of the notable features of the dispute resolution system within the WTO is the development of a relatively autonomous institution of international judicial review, which was formed due to the importance of the factor of security (certainty) and predictability in the multilateral trading system. The present article comments on the role of this factor in the context of jurisdictional guarantees for dispute resolution (namely the purpose of the dispute resolution system) and the features of the set of material obligations under the WTO law — their content, taking into account the interpretation in practice, and the presence of “systemic” obligations (for example, such as provided for in paragraph 4 of Article XVI of

the Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization). The corresponding role of this factor determines the practical possibility of panels and the Appellate Body, within the framework of the existing dispute resolution procedures of the World Trade Organization, to assess the compatibility with the rules of WTO law of domestic legislation, including, as such, i.e. not in relation to its application in specific cases or even in the absence of a practice of such application. Although the practice of international justice knows examples of the exercise of such functions by international courts, there is no autonomous institution similar to that established within the World Trade Organization in other areas of international legal regulation.

Keywords: international judicial review, judicial regulatory review, functions of international courts, WTO law, dispute resolution within the WTO, systemic obligations, international obligations, general international law, international justice, *pacta sunt servanda*

For citation: Krasikov D. V. International judicial review in WTO law. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2023;4(65):201—204. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.811.

Введение

В рамках Всемирной торговой организации (далее — ВТО) сложилась одна из наиболее эффективных систем разрешения международных споров, включающая в себе элементы различных средств урегулирования и, несмотря на отдельные кризисные явления последних лет [1], сохраняющая характеристики, выгодно отличающие ее от многих других международно-правовых механизмов. К началу 2023 г. общее число споров, переданных в действующий в рамках ВТО Орган по разрешению споров, превысило 600. В ряде споров участвовала и Российская Федерация — в качестве истца, ответчика либо третьей стороны. В настоящее время в условиях беспрецедентной напряженности во внешнеэкономических отношениях России исследование особенностей функционирования системы разрешения споров в рамках ВТО и методологии разбирательств в ее юрисдикционных форматах приобретает особую **актуальность**.

Одной из особенностей права ВТО и практики его применения является существование и развитие в рамках данной организации сравнительно автономного института международного судебного нормоконтроля, уникального для международного права и предоставляющего возможность действующим в рамках ВТО третейским группам и Апелляционному органу оценивать совместимость с правом ВТО внутригосударственного законодательства его членов, в т. ч. вне связи с его применением на практике. В настоящей статье обосновывается позиция о том, что существование данного института обусловлено значением в праве ВТО фактора безопасности (определенности) и предсказуемости многосторонней торговой системы в контексте гарантий юрисдикционного контроля и материальных обязательств по праву ВТО.

Исследованию проблем в сфере разрешения споров в рамках права ВТО посвящены работы ряда российских ученых. Наиболее значимый вклад в развитие российской науки в данной сфере представляют собой труды Л. П. Ануфриевой [2], О. С. Боклан [3], А. С. Исполинова [4; 5], О. В. Кадышевой [5], А. С. Смбатян [6], М. П. Трунк-Федоровой [7]. Работ, посвященных институту осуществляемого в рамках ВТО контроля в отношении внутреннего законодательства, в российской науке нет. В отдельных работах зарубежных авторов данные вопросы рассматриваются в контексте осуществляемого в системе ВТО судебного контроля и его стандартов (наиболее значимыми являются труды Ш. Бхуана [8], Б. Кали [9], Д. Ловрича [10]). Вместе с тем разработка данной темы видится целесообразной, поскольку практика в рассматриваемой сфере развивается, что позволяет сделать обобщающие выводы с учетом современных тенденций.

Научная новизна исследования состоит в том, что по его результатам определено значение основного фактора, определяющего уникальность международного судебного нормоконтроля в рамках ВТО.

Теоретическое значение настоящей работы состоит в том, что она посвящена исследованию уникального для международного права института юрисдикционного нормоконтроля в рамках ВТО, результаты которого вносят вклад в развитие теоретических основ международного судебного контроля. **Практическое значение** результатов исследования обусловлено возможностью их использования для отстаивания интересов России и других государств при разрешении споров в рамках ВТО.

Целью настоящей работы является рассмотрение значения фактора безопасности (определенности) и предска-

зуемости многосторонней торговой системы для формирования института судебного нормоконтроля в рамках ВТО. **Задачи** состоят в выявлении и краткой характеристике соответствующего значения данного фактора в контексте юрисдикционных гарантий разрешения споров в рамках ВТО и в контексте особенностей комплекса материальных обязательств по праву ВТО.

Основная часть

Международный судебный нормоконтроль в отношении внутригосударственного законодательства — концепция не бесспорная, главным образом, в связи с рисками ошибочного восприятия ее в качестве прямого аналога внутригосударственного судебного нормоконтроля (осуществляемого, в частности, органами конституционной юстиции). Вместе с тем, во-первых, при должной разумности следует согласиться с позицией ряда исследователей о наличии у институтов международного правосудия функций судебного контроля, хотя и различающихся с учетом особенностей компетенции того или иного института, однако отличных от функций разрешения споров [11, р. 57—59]. Во-вторых, не возникает сомнений в том, что поведение государств и других участников международных отношений, охватываемое контролем со стороны международных судебных институтов, включает меры законодательного характера. В связи с этим видится уместным говорить в принципе о возможности международных судебных институтов осуществлять нормоконтроль, хотя и существенно отличающийся по своим характеристикам от различных форм нормоконтроля внутригосударственного.

Практика оспаривания законодательства членов ВТО, в т. ч. вне контекста его применения либо в отсутствие практики применения (в т. ч. в отношении не вступивших в силу актов), является достаточно развитой. Примерами служат дела *US – 1916 Act*, *US – Corrosion-Resistant Steel Sunset Review*, *US – Zeroing (EC)* и др. В подобных делах действующие в рамках системы разрешения споров ВТО третейские группы и Апелляционный орган и осуществляющие «вертикальный» контроль [12, р. 596] среди прочего оценивают совместимость оспариваемых законодательных мер с обязательствами члена-ответчика с его обязательствами по праву ВТО. Анализ практики осуществления такого юрисдикционного (для целей настоящей статьи условно называемого судебным) нормоконтроля в рамках ВТО позволяет прийти к выводу о том, что его уникальность в качестве сравнительно автономного института обусловлена значением в праве ВТО фактора безопасности (определенности) и предсказуемости многосторонней торговой системы.

В контексте особенностей гарантий юрисдикционного контроля соблюдения обязательств по праву ВТО ее членами значение данного фактора отражено непосредственно в Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров, п. 2 ст. 3 которой гласит: «Система урегулирования споров ВТО является центральным элементом, обеспечивающим безопасность и предсказуемость многосторонней торговой системы». Как следует, например, из доклада Третейской группы по делу *US – Section 301*, в практике разрешения споров в рамках ВТО в контексте данной цели нередко обсуждается возможность оценки совместимости с правом ВТО внутреннего законодательства *как такового* вне связи с его применением в конкретных делах. Рассматривая дело *US – Corrosion-Resistant Steel Sunset Review*, Апелляционный орган отметил, что возможность оспорить правила или нормы, несовместимые с обязательствами

члена независимо от какого-либо конкретного случая их применения, служит цели предотвращения будущих споров, позволяя устранить источник поведения, не соответствующего требованиям ВТО.

При этом фактор безопасности (определенности) и предсказуемости многосторонней торговой системы имеет существенное значение для формирования и развития рассматриваемого института и в контексте комплекса материальных обязательств по праву ВТО, что отражено и в подходах к их толкованию в практике разрешения споров, и в наличии в нем так называемых «системных» обязательств.

Так, еще в ранней практике разрешения споров в рамках ГАТТ можно найти примеры толкования положений ст. XI и III ГАТТ с учетом обоснования содержащихся в них правил, состоящего в защите ожиданий договаривающихся сторон относительно конкурентных отношений между их товарами и товарами других договаривающихся сторон. В деле *US – Superfund* эксперты отмечали, что обе статьи предназначены не только для защиты текущей торговли, но и для создания *предсказуемости*, необходимой для планирования будущей торговли, и что эта цель не могла бы быть достигнута, если бы договаривающиеся стороны не могли оспаривать существующее законодательство, предписывающее действия, противоречащие Генеральному соглашению, до тех пор, пока административные акты, реализующие его, не будут фактически применены к их торговле. Фактор безопасности (определенности) и предсказуемости многосторонней системы также значительно влияет на толкование и применение положений торговых соглашений и в праве ВТО [13].

Кроме того, в настоящее время право ВТО содержит «системные» обязательства, включающие, в том числе, направленные на обеспечение соответствия внутреннего законодательства ее членом обязательствам по «охваченным соглашениям». Основными источниками соответствующих «системных» обязательств выступают положения п. 4 ст. XVI Марракешского соглашения об учреждении ВТО (далее — Соглашение о ВТО), а также ряда соглашений (например, п. 18.4 ст. 18 Соглашения по применению статьи VI Генерального Соглашения по тарифам и торговле 1994 г.). Формулировки указанных положений несколько отличаются, однако имеют общую направленность.

Центральным для комплекса обязательств, предусмотренных данными нормами, является обязательство, закрепленное в п. 4 ст. XVI Соглашения о ВТО: «Каждый член обеспечивает соответствие своих законов, иных нормативных актов и административных процедур своим обязательствам, вытекающим из прилагаемых Соглашений». Хотя данное обязательство связано общепризнанным в международном праве принципом недопустимости государству ссылаться на свое внутреннее право в оправдание невыполнения международных обязательств, тем не менее есть основания считать, что для права ВТО закрепленное указанным положением обязательство имеет эффект, отличный от эффекта данного принципа, хотя имплементация международно-правовых норм требует от государств принятия необходимых мер, в т. ч. законодательного характера [14].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. WTO Dispute Settlement and the Appellate Body: Insider Perceptions and Members' Revealed Preferences / M. Fiorini, B. M. Hoekman, P. C. Mavroidis et al. // *Journal of World Trade*. 2020. Vol. 54. Pp. 667—698.
2. Право ВТО: теория и практика применения : моногр. / под ред. Л. П. Ануфриевой. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 528 с.

Как отмечает Комиссия международного права, «зачастую возникают вопросы о том, имеет ли место нарушение обязательства в случае принятия каким-либо государством законодательства, содержание которого *prima facie* вступает в коллизию с предписаниями конкретного международного обязательства, или же для констатации нарушения необходимо, чтобы такое законодательство было применено в каком-либо конкретном случае. В данной ситуации также нельзя сформулировать общую норму, применимую ко всем случаям» [15, с. 65—66].

В деле *US – Section 301* Европейские сообщества утверждали, что ряд участников Уругвайского раунда, включая их самих, работали над усилением п. 4 ст. XVI Соглашения о ВТО по сравнению с обычным обязательством по международному праву. Третьей группой в своем докладе по данному делу, указав, что в соответствии с традиционным публичным международным правом законодательство, во исполнение которого нарушение может или даже будет, соответственно, иметь место, как правило, не влечет само по себе ответственность государства, обратила внимание на то, что даже в рамках ГАТТ, еще до принятия Соглашения о ВТО, законодательство как таковое, независимо от его применения в конкретных случаях, рассматривалось как нарушение. Третьей группой объясняется это «охлаждающим эффектом» (*chilling effect*), который законодательство само по себе оказывает на участие частных лиц в торговле, а также вредом, который причиняется другим членам ВТО и самому рынку в результате существования законодательства, даже если оно не было применено в конкретных случаях.

Заключение и выводы

Заявление в настоящей статье тезиса об уникальности института международного судебного нормоконтроля, сложившегося в рамках ВТО, не исходит из отрицания компетенции и практики контроля за внутригосударственным законодательством у других институтов международного правосудия. Нормативно-правовые акты государств выступили предметом оценки совместимости с международными обязательствами со стороны Международного суда (например, в деле *Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории*). Международные суды по правам человека неоднократно оценивали внутригосударственные законы в качестве источника нарушения прав и свобод (что нередко обсуждается в контексте конституционности природы осуществляемого им контроля) [9]. Суды международных интеграционных объединений рассматривают дела о соответствии национального законодательства требованиям соответствующих правовых систем (как, например, в Европейском Союзе).

Вместе с тем в рамках права ВТО судебный нормоконтроль сформировался и развивается в качестве сравнительно автономного института в значительной степени именно благодаря значению фактора безопасности (определенности) и предсказуемости многосторонней торговой системы и его влиянию на рассмотренные выше специальные процессуальные и материальные гарантии, аналогов чему в сфере международного правосудия нет.

3. Боклан О. С. Цель приостановления уступок в рамках ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 1. С. 85—100.
4. Исполинов А. С. К 20-летию ВТО: критический взгляд на практику Органа по разрешению споров // Торговая политика. 2015. № 1. С. 10—29.
5. Исполинов А. С., Кадышева О. В. Кризис механизма разрешения споров Всемирной торговой организации: в поисках альтернатив // Закон. 2020. № 10. С. 136—144.
6. Смбатян А. С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации : моногр. М. : ИНФРА-М, 2018. 448 с.
7. Трунк-Федорова М. Механизм разрешения споров в рамках Всемирной торговой организации: значение за пределами системы ВТО // Международное правосудие. 2021. № 4(40). С. 117—131.
8. Bhuiyan S. C. National Law in WTO Law: Effectiveness and Good Governance in the World Trading System. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 316 p.
9. Cali B. International judicial review // Handbook on Global Constitutionalism / ed. by A. F. Lang Jr., A. Wiener. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2017. Pp. 291—303.
10. Lovric D. Deference to the Legislature in WTO Challenges to Legislation. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International B.V., 2010. 234 p.
11. Von Bogdandy A., Venzke I. On the Functions of International Courts: An Appraisal in Light of Their Burgeoning Public Authority // Leiden Journal of International Law. 2013. Vol. 26. Pp. 49—72.
12. Vázquez C. M. Judicial Review in the United States and in the WTO: Some Similarities and Differences // The George Washington International Law Review. 2004. Vol. 36. Pp. 587—613.
13. Weiss W. Security and predictability under WTO law // World Trade Review. 2003. Vol. 2. Iss. 2. Pp. 183—219.
14. Липкина Н. Н. Обязательство государства принять необходимые законодательные меры в целях реализации прав и свобод человека в международном праве прав человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1(108). С. 51—57.
15. Ответственность государств // 53-я Сессия (2001) Комиссии международного права ООН. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 27.09.2023).

REFERENCES

1. Fiorini M., Hoekman B. M., Mavroidis P. C. et al. WTO Dispute Settlement and the Appellate Body: Insider Perceptions and Members' Revealed Preferences. *Journal of World Trade*. 2020;54:667—698.
2. WTO Law: theory and practice of application. Monograph. L. P. Anufrieva (ed.). Moscow, Norma, INFRA-M, 2020. 528 p. (In Russ.)
3. Boklan O. S. The Goal of Retaliation within the WTO. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2017;1:85—100. (In Russ.)
4. Ispolinov A. S. 20th anniversary of the WTO: critical overview of the practice of the Dispute Settlement Board. *Torgovaya politika = Trade Policy*. 2015;1:10—29. (In Russ.)
5. Ispolinov A. S., Kadyшева O. V. Crisis in the WTO's dispute settlement system: looking for alternatives. *Zakon*. 2020;10:136—144. (In Russ.)
6. Smbatyan A. S. Interpretation and application of World Trade Organization rules. Monograph. Moscow, INFRA-M, 2018. 448 p. (In Russ.)
7. Trunk-Fedorova M. Dispute settlement mechanism of the World Trade Organization: its importance beyond the WTO framework. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*. 2021;4(40):117—131. (In Russ.)
8. Bhuiyan S. C. National Law in WTO Law: Effectiveness and Good Governance in the World Trading System. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 316 p.
9. Cali B. International judicial review. *Handbook on Global Constitutionalism*. A. F. Lang Jr., A. Wiener (eds.). Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2017. Pp. 291—303.
10. Lovric D. Deference to the Legislature in WTO Challenges to Legislation. Alphen aan den Rijn, Kluwer Law International B.V., 2010. 234 p.
11. Von Bogdandy A., Venzke I. On the Functions of International Courts: An Appraisal in Light of Their Burgeoning Public Authority. *Leiden Journal of International Law*. 2013;26:49—72.
12. Vázquez C. M. Judicial Review in the United States and in the WTO: Some Similarities and Differences. *The George Washington International Law Review*. 2004;36:587—613.
13. Weiss W. Security and predictability under WTO law. *World Trade Review*. 2003;2(2):183—219.
14. Lipkina N. N. The obligation of the state to take the necessary legislative measures to implement the human rights and freedoms in international human rights law. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2016;1(108):51—57. (In Russ.)
15. State Responsibility. *Fifty-third Session (2001) of the International Law Commission UN*. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2001/english/chp4.pdf> (accessed: 01.09.2018).

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 23.10.2023.
The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 23.10.2023.